

ніе милитаризма емоціонально есть также прежде всего преодолѣніе націонализма, который въ послѣдніе годы очень усилился. Чтеніе книги Гееринга особенно слѣдуетъ рекомендовать тѣмъ русскимъ православнымъ, которые все еще не могутъ освободиться отъ идеи «христіанскаго воинства» и «христіанскаго государства», чья христіанская совѣсть не очищена отъ государственныхъ, національныхъ и соціальныхъ интересовъ и внушеній. Между тѣмъ какъ въ XIX в. у лучшихъ представителей русской религіозной мысли христіанская совѣсть возставала противъ соціального зла и неправды въ царствѣ кесаря.

Николай Бердяевъ.

Nicolaï Hartmann. Das Problem des geistigen Seins. Untersuchungen zur Grundlegung der Geschichtsphilosophie und der Geisteswissenschaften. 1933. Walter de Gruyter. Berlin und Leipzig. 482 стр.

Среди философовъ современной Германіи Николаю Гартману принадлежитъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ вышелъ изъ Марбургской школы, но, какъ и всѣ современные нѣмецкіе мыслители, испыталъ сильное вліяніе феноменологіи Гуссереля. Многие сближаетъ его также съ Максомъ Шелеромъ, который навсегда останется близокъ нашему русскому философскому сердцу. Гартманъ самъ воспринялъ вліяніе русской культуры и былъ въ Петербургскомъ университетѣ.

То, что дѣлаетъ его философію новой, послѣвоенной, и особенно близкой русскому міросозерцанію — это отрицаніе кантіанскаго идеализма и имманентизма (Bewusstseinsidealismus); въ этомъ смыслѣ онъ стоитъ въ оппозиціи къ неокантіанству и сознательно обосновываетъ онтологизмъ. Отъ Канта у него остается именно то, что отрицалъ нѣмецкій идеализмъ, и что является у Канта самымъ гениальнымъ: именно — вещь въ себѣ, ирраціональность бытія. Но изъ этого вытекаетъ утвержденіе, что бытіе шире и фундаментальнѣе познанія; Гартманъ утверждаетъ, что познаніе обосновано въ самомъ бытіи, оно есть событіе въ самомъ бытіи. Въ этомъ его отличіе отъ феноменологіи и отъ Гуссерля, гдѣ остается нѣкоторый идеализмъ сознанія (Bewusstseinsidealismus).

То, что сближаетъ его однако съ Гуссерлемъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Кантомъ) это характерное для всей современной философіи отрицаніе спекулятивныхъ построеній, отрицаніе метафизическихъ конструкцій, требованіе базировать на томъ, что непосредственно дано въ феноменахъ, требованіе искать

посредствомъ интуиціи *скрытаго смысла явленій*. Это здоровое наслѣдіе критицизма: наука и философія не должны выдумывать, измышлять, онѣ должны *открывать*.

Есть еще одна поразительная особенность въ философскомъ стилѣ Гартмана: это отсутствіе нѣмецкой темноты, недоговоренности и незаконченности, считавшихся хорошимъ тономъ во времена Гегеля и сохранившихся до Когена и до нашихъ дней. У Гартмана все договорено, доказано, формулировано съ предѣльной точностью. Если есть трудности, то онѣ заключаются въ самихъ проблемахъ. Точность и острота рациональныхъ формулировокъ всегда доведена у него до конца, до встрѣчи съ иррациональной глубиной бытія. Философія есть для него система чудесъ, система проблемъ. Въ этомъ смыслѣ всякій упрекъ въ безрелигіозности отскакиваетъ отъ этого міросозерцанія: оно утверждаетъ *наличную тайну бытія* и по своему философскому пафосу гораздо интереснѣе для мистика, чѣмъ всѣ наивно-догматическія измышленія богословскаго позитивизма (напр. томизма).

Онтологизмъ Гартмана намѣченъ еще въ его ранней книгѣ «Логика Бытія у Платона» и развитъ въ его «Метафизикѣ Познанія», а въ значительной степени и въ его «Этикѣ». Въ послѣдней книгѣ данъ поразительный категоріальный анализъ *проблемы свободы*: это пожалуй самое глубокое и новое, что мы знаемъ въ этой области (см. объ этомъ подробнѣе въ нашей книгѣ «Этика Преображеннаго Эроса»). Послѣдняя книга Гартмана примыкаетъ съ одной стороны къ его «Этикѣ», съ другой даетъ конкретное примѣненіе тѣмъ принципамъ, которые намѣчены въ его замѣчательной статьѣ «Категоріальные законы». Задача книги показать, что такое духовное бытіе въ отличіе отъ природнаго, каковъ особый модусъ этого бытія, каковы его основныя категоріи. Это та же самая проблема, какая была поставлена Фихте и Гегелемъ, затѣмъ въ наше время Дильтеемъ и Риккертомъ. Н. Бердяевъ ставитъ эту проблему во введеніи къ своей «Философіи Свободнаго Духа».

Гартманъ показываетъ намъ, что духъ существуетъ и является въ трехъ основныхъ формахъ: 1) *персональный духъ*, т. е. личность, духовная индивидуальность, 2) *объективный духъ*, который живетъ и раскрывается въ наукѣ, морали, правѣ, государствѣ, религіи. Это духъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о «духѣ эллинизма», или о «римскомъ духѣ». Наконецъ 3) *объективированный духъ*, который стоитъ предъ нами въ неподвижномъ и законченномъ твореніи, напр. въ произведеніи искусства. Объективный духъ есть духъ живой, онъ точно также живетъ и умираетъ, какъ и духовный индивидуумъ, онъ существуетъ во времени и о немъ трактуетъ исторія. Исто-

рія есть повѣствованіе о жизни объективнаго духа, исторія государства, права, искусства, техники, вообще культуры. Гартманъ отдаетъ должное подлиннымъ открытіямъ Гегеля въ этой области «феноменологии духа», но отстраняетъ его телеологическую метафизику и его идею, что объективный духъ есть субстанція и сознательный субъектъ исторіи. Объективный духъ народовъ и культуръ живетъ и умираетъ также какъ и духовная личность, но объективированный духъ не умираетъ, потому что не живетъ; только объективированный духъ существуетъ внѣ-временно и сверхъ-временно. Духовное бытіе не есть такимъ образомъ что-то неопредѣленное, неуловимое, существующее только для вѣрующихъ людей, непризнанное наукой; напротивъ, духовное бытіе совершенно очевидно, никѣмъ не можетъ быть отрицаемо, въ немъ протекаетъ вся наша жизнь и о немъ возможно научное знаніе, раскрываемое въ такъ наз. «наукахъ о духѣ». Право, мораль, религія — есть объективное бытіе, хотя и духовное бытіе. Величайшая ошибка смѣшивать объективно-сущее съ вещами, предметами, объектами.

Понять тотъ особый способъ существованія, какимъ обладаетъ духъ и прежде всего персональный духъ, значитъ развернуть всѣ категоріи бытія, всѣ ступени бытія, ибо духъ есть высшая ступень въ этой іерархіи категорій. Бытіе духа предполагаетъ, что уже существуетъ бытіе матеріи, бытіе органической жизни, наконецъ, бытіе психическое. Каждая изъ этихъ ступеней является условіемъ возможности для слѣдующей высшей: такъ нѣтъ организма, если нѣтъ матеріи; нѣтъ психическаго бытія, если нѣтъ организма; наконецъ, нѣтъ духа, если нѣтъ тѣла и души, въ которыхъ онъ какъ бы воплощенъ и надъ которыми возвышается. Это отношеніе ступеней называется у Гартмана отношеніемъ оформленія и надстройки (*Überformungs- und Überbauungsverhältniss*). Духъ покоится на всѣхъ низшихъ ступеняхъ бытія, какъ на своемъ фундаментѣ (*Aufruhen*). Основное положеніе Гартмана: нѣтъ свободно витающаго духа! *Es giebt keinen schwebenden Geist*, нѣтъ отрѣшеннаго духа. Духъ является намъ только въ своихъ воплощеніяхъ, тѣлесныхъ и душевныхъ. Однако такое утвержденіе не означаетъ никакого матеріализма или психологизма. Можно сказать даже, что «воплощеніе» есть прямая противоположность матеріализма, ибо утверждаетъ высоту, самостоятельность и свободу духа, но не оторванность духа, не отрѣшенный спиритуализмъ. Особенно цѣннымъ является то положеніе, что духъ возвышается надъ душою. Въ нашей терминологіи мы могли бы сказать такъ: духъ не есть ни сознаніе, ни подсознаніе, онъ есть сверхсознаніе. Самымъ цѣннымъ завоеваніемъ новѣйшей философіи является преодоленіе пси-

хологизма, совершенное какъ нео-кантіанцами такъ и Гуссерлемъ, и оно показываетъ, что категоріи душевнаго бытія не суть высшія и послѣднія: надъ ними возвышаются категоріи бытія духовнаго. Если онѣ предполагаютъ фундаментъ душевности и тѣлесности, то все же онѣ вполне свободны и автономны, имѣютъ свою собственную особую закономѣрность, которая не есть ни закономѣрность механической природы, ни закономѣрность психическихъ процессовъ.

Нѣтъ возможности намѣтить въ рецензіи все богатство содержанія этой замѣчательной книги. Никакая современная философія культуры, философія исторіи, философія духа не можетъ ее обойти. Проблемы искусства, стиля, традиціи, языка находятъ въ ней совершенно новое освѣщеніе. Гартманъ по своему духу ближе къ покойному Шелеру, нежели къ Гейдеггеру: онъ гораздо мужественнѣе и здоровѣе Гейдеггера, гораздо болѣе чувствуетъ космическую глубину бытія, присутствіе въ немъ Софіи, мудрости; онъ не отравленъ подобно Гейдеггеру ужасами Киркегарда. Гартманъ античнѣе и классичнѣе. Въ немъ живетъ эллинскій пафосъ познанія, который ничего не боится и ничего не хочетъ, кромѣ правды. Поразительно то, до какой степени этотъ пафосъ научной объективности, свободный отъ всякаго пророческаго напора, дѣйствуетъ однако на читателя, какъ глубочайшій призывъ къ свободѣ духа и къ самосозиданію личности, къ овладѣнію своей душой, къ построенію духовнаго бытія изъ матеріаловъ своей психической и органической жизни.

Пожалуй самымъ оригинальнымъ, новымъ и глубокимъ у Гартмана является его изслѣдованіе о сущности *персональнаго духа*, иначе говоря, личности, глубочайшаго и сокровеннаго центра человѣка. Онъ осуществляетъ здѣсь Шелеровскій замыселъ антропологіи. Человѣкъ содержитъ въ себѣ всѣ категоріи бытія и самъ является высшей категоріей бытія въ качествѣ персональнаго духа. Нѣтъ болѣе неопредѣленнаго слова, которымъ болѣе злоупотребляли бы въ метафизикѣ и теологіи, нежели слово *духъ*. Онъ не есть «простая» духовная субстанція, какъ думала старая метафизика. И не «субстанція», и не «простая», — а цѣлый узелъ категорій, сущностей и смысловъ, заключенныхъ въ томъ, что мы называемъ лицомъ. Гартманъ производитъ здѣсь сложный категоріальный анализъ. Основные моменты таковы: персональный духъ есть 1) *умъ*, познающій субъектъ, способный *познавать объективно*, судить и оцѣнивать объективно, объективность есть сущность духа. Напротивъ, душа погружена въ субъективность, опредѣляется субъективными интересами и установками сознанія. 2) Персональный духъ есть *свободное творчество*,

способность предвидѣть и предопредѣлять (Providenz und Predestination). 3) Персональный духъ есть *знаніе добра и зла*. Онъ есть носитель и проводникъ цѣнностей (Wertbewusstsein) Нетрудно въ этихъ категоріяхъ личности узнать предикаты Божества: Творецъ, Логосъ, предвидѣніе и предопредѣленіе. Это и не удивительно, если Богъ есть духъ, и если Богъ есть личность. Какъ и всегда Гартманъ не дѣлаетъ здѣсь никакихъ богословскихъ выводовъ. Но выводъ напрашивается самъ собою: или человекъ богоподобенъ, или Богъ человекopodobенъ. Во всякомъ случаѣ связь личности съ Абсолютнымъ несомнѣнна: въ личности есть нѣчто абсолютное. И къ Абсолютному мы поднимаемся не иначе, какъ черезъ личность. Что и понятно, если личность стоитъ на вершинѣ іерархической лѣстницы бытія.

Не слѣдуетъ однако думать, что, изслѣдуя этотъ удивительный узелъ категорій, Гартманъ думаетъ дать рациональную конструкцію личности. Напротивъ, онъ показываетъ, что личность, самость, всего болѣе иррациональна: «сущность духа, то категоріально новое, что дано въ немъ, что радикально отличаетъ его отъ всякаго иного бытія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непроницаемое, наиболѣе иррациональное, алогическое и трансинтеллигибельное». Личность нельзя не признать и вмѣстѣ съ тѣмъ ее нельзя познать: она — *unverkennbar und unerkennbar*. И это потому такъ, что самосознаніе совершенно непохоже ни на какое предметное познаніе: здѣсь нѣтъ дистанціи субъекта отъ объекта, нѣтъ ихъ противопоставленія. Но «самымъ удивительнымъ и таинственнымъ въ личности, ея высшимъ даромъ — является свобода, то, что въ ней наиболѣе метафизично и богоподобно».

Главное возраженіе, которое мы могли бы сдѣлать Гартману, заключается въ слѣдующемъ. Онъ говоритъ: «не существуетъ свободно витающаго духа» и доказываетъ это тѣмъ, что духъ «покоится» на фундаментѣ низшихъ ступеней бытія. Намъ напротивъ кажется, что свобода духа и его «витаніе» составляютъ самую его сущность: онъ свободно витаетъ въ своей способности *познанія, воображенія и творчества*. Базисъ законовъ природы, какъ это въ сущности признаетъ и Гартманъ, нисколько не устраняетъ возможности свободного витанія, какъ тяготѣніе земли не устраняетъ возможности свободного полета надъ землей. Гартманъ, конечно, правъ во всѣхъ своихъ категоріальныхъ утвержденіяхъ и въ своемъ отрицаніи отрѣщенного, изолированнаго духа. Но какъ разъ такой *изолированный духъ*, отрѣзанный отъ низшихъ категорій бытія, былъ бы несвободенъ и не могъ бы «витать» надъ ними. Для духа все служить объектомъ познанія и средствомъ воплощенія,

онъ есть «всяческая во всемъ» и въ этомъ заключается его свободное витаніе, которое всего ярче можно усмотрѣть въ его сверхвременности и сверхпространственности.

Намъ кажется еще, что Гартманъ, вполне правильно исходя для познанія духа изъ тѣхъ его проявленій, которыя наиболѣе наглядны безспорны и познаваемы, не исчерпалъ однако глубины и не достигъ высоты духа, хотя и встрѣтился лицомъ къ лицу съ таинственной глубиной самости. Въ личности есть нѣчто *сверхличное*, ускользящее отъ всякаго познанія и воздѣйствія. Здѣсь чувствуется какая то высшая категория, которая несомнѣнно присутствуетъ и которую мы не можемъ схватить. Быть можетъ это и есть само Абсолютное. Христіанская и индійская мистика много сдѣлала для углубленія въ эту тайну самосознанія. Гартманъ на нашъ взглядъ все же нѣсколько урѣзалъ духъ, какъ бы обрѣзалъ ему крылья; но это объясняется тѣмъ, что онъ искалъ точку опоры «Дай мнѣ на чемъ я могу стоять». Духъ же, по сравненію Плотина, стоитъ ногами на землѣ, а главою своею возвышается за предѣлы небесной сферы.

Б. Вышеславцевъ.